

-
15. *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям.* М., 1993.
  16. *Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы.* М., 1991.

REFERENCES

1. Arhiv Gorbachev-Fonda, f. № 2, dok. 8438, 8445.
2. Arhiv Gorbachev-Fonda, f. № 3, dok. 4396, 4506, 4827.
3. *Ahromeev S. F., Kornienko G. M. Glazami marshala i diplomata. Kriticheskij vzgljad na vneshnjuju politiku SSSR do i posle 1985 g.* М., 1992.
4. *Vizit v Sovetskij Sojuz kanclera G. Kolja, 24–27 oktjabrja 1988 g.: Dokumenty i materialy.* М., 1989.
5. *Vizit General'nogo sekretarja TsK KPSS, Predsedatelja Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR M. S. Gorbacheva v FRG, 12–15 ijunja 1989 g.: Dokumenty i materialy.* М., 1989.
6. *Vizit M. S. Gorbacheva v FRG, 9–10 nojabrja 1990 g.* М., 1990.
7. GARF, f. R5446, op. 147, d. 1636, 1669.
8. GARF, f. R5446, op. 148, d. 275.
9. GARF, f. R5446, op. 163, d. 1495.
10. GARF, f. R7523, op. 145, d. 4098, l. 23–46, 66–73.
11. GARF, f. R8009, op. 51, d. 2631–2645.
12. GARF, f. R9576, op. 20, d. 5745, 6311.
13. *Gorbachev M. S. Kak jeto bylo.* М., 1999.
14. *Mihail Gorbachev i germanskij vopros. Sbornik dokumentov. 1986–1991 / Sost. A. A. Galkin, A. S. Chernjaev.* М.: Gorbachev-fond, 2006.
15. *Chernjaev A. S. Shest' let s Gorbachevym: Po dnevnikovym zapisjam.* М., 1993.
16. *Shevardnadze E. A. Moj vybor. V zaschitu demokratii i svobody.* М., 1991.

Н. Г. Зарембо

ДУХОВНЫЕ ВЛАСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И НАРОДНОЕ ТРЕЗВЕННИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧУРИКОВЦЕВ (1907–1914 гг.)

Рассматривается развитие отношений петербургского духовенства и трезвеннического движения во главе с братцем Иоанном (Чуриковым) в период с 1907 по 1914 год. На основе архивных документов показаны действия духовных властей по отношению к Чурикову и его сторонникам.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, трезвенническое движение, братец Иоанн (Чурикова), Санкт-Петербург.

N. Zarembo

ECCLESIASTICAL AUTHORITIES OF ST. PETERSBURG AND POPULAR ABSTAINERS' MOVEMENT (1907–1914)

The development of St. Petersburg clergy's attitude towards abstainers headed by 'bratets' John (Churikov) in the period from 1907 to 1914th is regarded. The actions of ecclesiastical authorities concerning Churikov and his supporters are described on the basis of archive documents.

Key words: Russian Orthodox Church, abstainers' movement, 'bratets' John (Chyrikov), St. Petersburg.

В начале XX века постоянный интерес населения столицы вызывали так называемые братцы, которые призывали к трезвости и помогали исцеляться от пьянства. Обращение «братец» подчеркивало близость и родство, но не кровное, а духовное. Религиозные поиски, жизненные трудности и обычное любопытство приводили петербуржцев к братцам [7, л. 9 — 9 об.]. В Петербурге в начале XX века братец Иоанн был самым популярным, и многие братцы считались его учениками.

Иван Алексеевич Чуриков (1861 — после 1930 г.) назывался не только «братцем Иоанном», но и «братцем Иванушкой» или «братцем Иоанном Самарским». Он происходил из крестьянской семьи, проживавшей в Самарской губернии. Чуриков занимался торговлей, но после неудач в этой области и сумасшествия жены он изменил свою жизнь: раздал имущество бедным, обратился к Богу, надел на себя вериги и отправился странствовать. Впервые Чуриков появился в Петербурге в 1894 году и начал проповедовать трезвость. Неоднократно власти с подачи церкви применяли меры против него — высылали из столицы, заключали в психиатрическую больницу, в монастырскую тюрьму и т. д. Православные миссионеры относили его деятельность к «беседничеству» — к сектантскому движению, для которого был характерен образ жизни, подобный монашескому, совместное изучение религиозной литературы и обсуждение ее. Это движение имело широкое распространение на родине Чурикова в Самарской губернии [3, с. 75–108].

В Петербурге Чуриков проживал в одной из квартир дома на Петровском острове и проводил там беседы. В ней находилось много предметов православного культа: иконы, лампы [6, л. 286]. Чуриков подчеркивал свою принадлежность к православию: он и его сторонники регулярно посещали церковь [5, л. 144–146]. Братец Иоанн был невысок ростом, имел волосы до плеч и бороду. К посетителям он выхо-

дил в шелковой рубашке, подпоясанной шелковым поясом. Он всегда носил поверх одежды крупный перламутровый крест [5, л. 143]. Его внешний вид, а особенно такой крест, вызывал критику духовенства за атрибуты, характерные для священника [1, с. 8]. Во время бесед Чуриков сначала обращался к библейской истории, потом давал разъяснения с примерами. Часто он обращался с вопросами к аудитории. Представители православной церкви считали, что без их благословения никто не имел права вести религиозные беседы. Очень важную роль Чуриков отводил совместному исполнению молитв. Однако главным и для братца Иоанна, и для слушателей были его выступления против пьянства, курения, а позднее — против употребления в пищу мяса.

Речь братца была понятна и привлекательна для простого народа [5, 143–146]. Обычно по воскресеньям посетители собирались у дома Чурикова с семи-восьми утра и до четырех часов дня ждали начала бесед. Зал вмещал около 500 человек. Желающих собиралось в отдельные дни до 2000 человек. Дающим обет трезвости Чуриков вручал кусочек сахара, говоря, что «и его жизнь будет сладкой, когда он бросит пьянство» [10, л. 5]. Помимо бесед Чуриков принимал записочки с просьбами помочь в избавлении от пьянства близких людей и в решении других проблем [6, л. 38 — 38 об.]. Трезвенники-чуриковцы организовали колонию в Вырице, в поселке, расположенном недалеко от Санкт-Петербурга, где имел дачу сам Чуриков [6, л. 271 — 271 об.]. Количество сторонников братца Иоанна установить трудно. Некоторые современники утверждали, что их число доходило до 30 000 человек. Активный критик чуриковцев считал, что их насчитывалось всего две-три тысячи [1, с. 7].

В 1910 г. братец Иоанн оказался в ситуации, когда ему пришлось доказывать церковным властям свою верность православию. В марте 1910 г. в Москве были от-

---

лучены от православной церкви двое братьев — Д. Григорьев и И. Колосков. Главный инициатор отлучения их от церкви московский миссионер И. Г. Айвазов поднимал вопрос об отлучении Чурикова [4, л. 25 — 25 об.]. Председатель миссионерского совета епископ Нарвский Никандр пригласил брата Иоанна к себе для личных объяснений [5, л. 148]. В апреле 1910 года Чуриков подал два прошения на имя митрополита Санкт-Петербургского Антония. В прошении от 15 апреля он утверждал, что с московскими братьями в последнее время не был связан и являлся приверженцем православной церкви. Сохранилось несколько вариантов текстов прошения от 15 апреля [8, л. 1 — 6 об.]. Можно предположить, что Чурикову предложили несколько вариантов прошения или текст дорабатывался миссионерами совместно с ним. Прощение от 24 апреля содержит очередное уверение в верности Православной Церкви и утверждение в непринадлежности хлыстовству [5, л. 149–151]. Важную роль в защите Чурикова от нападков духовенства сыграл епархиальный миссионер Д. И. Боголюбов. Он сделал доклад о Чурикове на заседании миссионерского совета, в котором настаивал, что у брата имеется грех «духовной прелести», а не сектанства [5, л. 151–152].

В мае 1910 года известный толстовец И. Трегубов стал записывать и издавать беседы брата Иоанна. Записи бесед фиксировали речь Чурикова, реакцию слушателей, а также сообщали о посещении их известными деятелями [13]. Миссионерский совет выразил недовольство этим фактом и потребовал, чтобы после бесед Чурикова выступал Д. И. Боголюбов. Он явился на беседу 21 ноября и попытался начать говорить после брата Иоанна, но трезвенники отказались слушать его. После этого происшествия по требованию епархиальных властей полиция закрыла беседы Чурикова [5, л. 157]. Из департамента общих дел Министерства внутренних дел по-

следовало распоряжение градоначальнику доложить все обстоятельства данного дела [6, л. 4 — 4 об.]. 10 декабря 1910 года он отправил развернутое объяснение в МВД. В нем сообщалось, что собрания Чурикова были запрещены по просьбе Никандра, епископа Нарвского [6, л. 9 — 9 об.].

Сторонники Чурикова подали прошение министру внутренних дел 13 декабря 1910 года. Они называли свою организацию «Неофициальное общество трезвенников имени брата Иоанна Чурикова» и обращали внимание на успешную пятнадцатилетнюю деятельность своего лидера по отрезвлению народа. Трезвенники просили, чтобы им разрешили открыть помещение для бесед независимо от желания епархиального начальства [6, л. 10 — 10 об.].

Чуриков также подал прошение 13 декабря на имя министра внутренних дел. Он указывал, что епархиальные власти поступали с ним «вероломно», что приводило его к мысли уйти в секту, но он оставался православным [6, л. 16–18]. Чуриков и четыре его сторонника были приглашены к председателю миссионерского совета и сумели вновь убедить его в своей приверженности православию [5, л. 158–159]. На Рождество 1910 года Чуриков провел беседу, однако только после представления ее программы председателю миссионерского совета епископу Никандру [6, л. 29]. Изучив деятельность Чурикова и ее значение для «отрезвления и пробуждения религиозных потребностей» населения, духовные власти согласились разрешить эти беседы [5, л. 173]. От Чурикова потребовали, чтобы внутри и снаружи помещения был вывешен текст исповедания «Моим слушателям», отредактированный Никандром [5, л. 168–173]. В конце декабря 1910 года Чуриков получил от миссионерского совета текст очередного прошения. Он ответил его председателю Никандру заявлением, которое начиналось словами: «Присланное мне Вами для подписи прошение заключает в себе не все, может быть, исполнимое»

[9, л. 7]. Чуриков отправляет копию предложенного прошения со своими объяснениями министру внутренних дел. Текст с объяснениями министру аналогичен тексту заявления Чурикова Никандру. Чуриков излагает свою точку зрения на все положения предложенного ему для подписи прошения. Самое главное, по его мнению, — то, что духовные власти его «вынуждают подписать какое-то закрепощение» [6, л. 25 — 25 об.]. По личному распоряжению министра внутренних дел, собрания Чурикова вновь открылись в январе 1911 года [6, л. 31]. Распоряжению предшествовало его «словесное соглашение» с обер-прокурором Синода [6, л. 41].

Ситуация начинает меняться в 1911 году. Важным фактором стало привлечение московских братцев И. Колоскова и Д. Григорьева к уголовной ответственности, поэтому за петербургскими трезвенниками, руководимыми Чуриковым, организовали «тщательное негласное наблюдение» [6, л. 37 — 37 об.]. Вышла книга иеромонаха Вениамина с очень суровой критикой Чурикова и других братцев [1]. В ответ сторонники Чурикова — некие Давыдов и Фролов — выпустили книгу с ироничным разбором обвинений в адрес братца Иоанна [2]. Чуриковцы предприняли попытку легализовать свою организацию, чтобы избавиться от контроля со стороны духовенства. В конце 1911 года они подали прошение об утверждении устава Всероссийского общества трезвости имени братца Иоанна Чурикова [6, л. 72–74]. В апреле 1912 года министр внутренних дел отказал в утверждении устава на том основании, что «частным организациям может быть предоставлено право присвоения имени лишь тех лиц, кои ознаменовали себя на поприще государственной или общественной деятельности» [11, л. 5].

В 1911 году чуриковцы построили дом для бесед в пригороде Санкт-Петербурга, в селе Александровском. Чуриков обратился к градоначальнику с просьбой перенести

туда беседы из дома на Петровском проспекте [6, л. 38]. На отношение от градоначальника митрополит Санкт-Петербургский Антоний ответил, что желательно прекратить беседы Чурикова в столице и пригородах. Он сослался на постановление миссионерского совета от 9 ноября 1911 года о воспрещении Чурикову бесед как подрывающих «чистоту самосознания в православном народе» [6, л. 39 — 39 об.]. Переписка опять проходила на уровне министра внутренних дел и обер-прокурора [6, л. 43–44]. В апреле 1912 года министр разрешил Чурикову вести духовные беседы по новому адресу [6, л. 53 — 53 об.]. В мае 1912 года при открытии беседы Чурикова произошел скандал. Настоятель местной церкви Св. Троицы о. Иоанн Колесников заявил, что будет освящать дом только для жилья, а не для ведения духовных бесед, поскольку Чуриков не получил епископского благословения. На следующий день, 13 мая, он произнес проповедь в своем храме, назвав чуриковцев еретиками. Сторонники Чурикова в прошении обер-прокурору и министру внутренних дел просили оградить их «от столь неумеренных ревнителей» [6, л. 201–202].

В июне 1912 года случился еще один скандал. Перед беседой 10 июня священник И. Колесников послал сообщение, что он придет на нее. Колесников потребовал, чтобы ему дали выступить. Он получил такую возможность только после беседы братца Иоанна. Присутствовавшие на беседе заявили, как уже не раз бывало, что они хотят слушать братца, а священник пусть выступает в церкви. Начались шум и паника. Колесникова кто-то бил, хватал за волосы. Рядом со священником оказались околоточный надзиратель и агент сыскной полиции, которые заслонили его от разъяренной толпы и вывели по запасной лестнице [6, л. 103, 109]. Мировой судья приговорил четырех человек за организацию беспорядка к аресту: двоих — на шесть дней и двоих — на пять [6, л. 129–129 об.]. По прика-

зу министра внутренних дел от 20 июня 1912 года беседы братца Иоанна были запрещены [6, л. 105]. Чуриков пожаловался в МВД на закрытие «общедоступных собраний» и получил ответ, что министр не разрешает беседы из-за допущенных на них беспорядков [6, л. 203]. Сторонники братца Иоанна подавали прошения о возобновлении собраний, но получили отказ в ноябре 1912 года [6, л. 206].

Другая группа чуриковцев (33 подписи) подала прошение о том же в декабре того же года и также получила отказ [6, л. 207–208, 238, 240 — 240 об.]. Чуриковцы написали прошения на имя императора Николая II [6, л. 247–261] и императрицы Александры Федоровны [6, л. 133 — 135 об.], которые также были переданы в МВД и «оставлены без последствий» [6, л. 210]. В марте 1913 года двое чуриковцев попытались попасть на прием к министру внутренних дел с просьбой о возобновлении бесед, но их просьба не была удовлетворена [6, л. 261, 263]. Бесед Чуриков больше не проводил, но деятельность свою не прекращал. Ему через прислугу передавали записки с просьбами об избавлении от болезни, от пьянства, а в ответ получали масло и кусочки сахара [6, л. 244 — 244 об.]. В июне 1912 года епархиальный миссионерский совет постановил, что после церковной службы следует объявить народу о недопустимости посещения бесед Чурикова и его сторонников. 12 марта 1913 года совет пригласил Чурикова на увещание. Его объявили виновным в том, что на своих публичных беседах и в частном общении с православными «изъясняет Св. Писание без всякого руководства Св. отцов и учителей церкви, единственно по своему разумению и совершенно произвольно» [12,

л. 2–3]. Кадровые изменения в руководстве епархией ускорили процесс церковных преследований Чурикова. После смерти митрополита Антония (1912 год) его место занимает Владимир. Важным фактором стала смена епархиального миссионера Д. И. Боголюбова. Его место летом 1913 года занял И. Г. Айвазов. Именно он подготовил все материалы к отлучению московских братцев Д. Григорьева и И. Колоскова. Тогда же, как уже отмечалось, он обвинил в сектантстве и Чурикова. Миссионерский совет 4 февраля 1914 года установил многочисленные «сектантски-еретические заблуждения и действия» Чурикова [12, л. 3–5]. Определением Санкт-Петербургского епархиального начальства от 30 июня — 20 июля Чуриков подвергся так называемой «малой епитимии» — отлучению от Святого Причастия «впредь до искреннего раскаяния его в своих заблуждениях и объявления им полного послушания церковной власти» [12, л. 5]. С началом Первой мировой войны у служителей церкви появляются иные задачи, и проблема противодействия чуриковцам отходит на второй план.

Таким образом, на протяжении 1907–1914 годов трезвенническое движение чуриковцев представляло определенную опасность для Русской Православной Церкви. Чуриков и его сторонники всегда провозглашали верность православию, но попытки духовных властей вернуть чуриковцев под контроль церкви не удавались. Деятели Русской Православной Церкви, посчитав его опасным конкурентом в борьбе за души верующих, стремились, в том числе с помощью светских властей, противодействовать влиянию братца Иоанна (Чурикова) на паству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вениамин (Федченков), иеромонах*. Подмена христианства (К спорам о Чурикове, «братцах», странниках и проч.). СПб., 1911.
2. *Давыдов и Фролов*. Духовный партизан против разврата и пьянства (защитник христианства) Братец Иоанн Алексеевич Чуриков. Ответ иеромонаху Вениамину. СПб., 1912.

-
3. *Кесарев Е.* Беседничество как секта. Беседчики Самарской епархии. Самара, 1905.
  4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 190. Отд. 4. Ст. 3. Л. 278.
  5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2407.
  6. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 212.
  7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 99. Д. 21.
  8. ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 5. Д. 30.
  9. ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 5. Д. 31.
  10. ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 5. Д. 32.
  11. ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 5. Д. 40.
  12. ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 5. Д. 52.
  13. *Чуриков И. А.* Беседы «Братца Иоанна» Чурикова. СПб., 1911. Разд. паг.

REFERENCES

1. *Veniamin (Fedchenkov), ieromonah.* Podmena hristianstva (K sporam o Churikove, «bratcah», strannikah i proch.). SPb., 1911.
2. *Davydov i Frolov.* Duhovnyj partizan protiv razvrata i p'janstva (zaschitnik hristianstva) Bratets Ioann Alekseevich Churikov. Otvet ieromonahu Veniaminu. — SPb., 1912.
3. *Kesarev E.* Besednichestvo kak sekta. Besedchiki Samarskoj eparhii. — Samara, 1905.
4. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 796. Op. 190. Otd. 4. St. 3. L. 278.
5. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 2407.
6. RGIA. F. 821. Op. 133. D. 212.
7. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb). F. 19. Op. 99. D. 21.
8. CGIA SPb. F. 680. Op. 5. D. 30.
9. CGIA SPb. F. 680. Op. 5. D. 31.
10. CGIA SPb. F. 680. Op. 5. D. 32.
11. CGIA SPb. F. 680. Op. 5. D. 40.
12. CGIA SPb. F. 680. Op. 5. D. 52.
13. *Churikov I. A.* Besedy «Bratca Ioanna» Churikova. SPb., 1911. Razd. pag.

A. A. Зиннатуллина

РОЛЬ ПЕРВОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ЖЕНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В данной статье автор, анализируя устав и годовые отчеты, рассматривает некоторые аспекты создания первого мусульманского женского общества в России. Прослеживает основные направления его деятельности.

Ключевые слова: благотворительная деятельность, мусульманское дамское общество, история просвещения, женское образование.

A. Zinnatullina

THE FIRST MUSLIM WOMEN SOCIETY AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF ENLIGHTENMENT

The Code, annual reports and some aspects of the history of the first Muslim Women Society in Russia have been analyzed and the main directions of its activities have been described.

Keywords: charities, Muslim Women Society, history of enlightenment, women's education.